



*Посвящается маме*



**Отрывок из расшифровки:  
«Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана», серия 1:  
«Введение в убийство Чака Бурмана»,  
7 сентября 2015 года.**

У Чарльза «Чака» Бурмана не было врагов. Добродушного профессора, преподававшего американскую историю в небольшом гуманитарном колледже на Среднем Западе, уважали коллеги и любили студенты. Каждый год учащиеся исторического факультета колледжа Элм-Парк выбирали любимого профессора при помощи неформального голосования, и Чак Бурман неизменно становился победителем. Не меньшим авторитетом пользовался профессор и у себя в городке Элм-Парк, Иллинойс. По воспоминаниям жителей, Чак Бурман безвозмездно участвовал в различных волонтерских проектах, таких как организация ежегодного городского парада на Хэллоуин, распространение лотерейных билетов в поддержку местного центра искусств и дежурство за кассовым аппаратом на библиотечной распродаже. Даже семейная жизнь Чака Бурмана выглядела идиллически: молодая красавица-жена и две обожающие его послушные дочери.

Чак Бурман являлся живым воплощением американской мечты. Однако 19 октября 2002 года этого популярного и душевного человека настигла

преждевременная смерть — его застрелили в затылок, в упор, на собственной кухне.

По обвинению в убийстве арестовали соседа, семнадцатилетнего Уоррена Кейва. Его признали виновным. Сейчас он отбывает пожизненное тюремное заключение.

Убийство Чака Бурмана — преступление ужасное и бессмысленное. Утешает одно — справедливость возторжествовала, верно?

Верно?

Вот только что, если Уоррен Кейв этого не делал? Вдруг он отбывает наказание за убийство, которого не совершал?

Меня зовут Поппи Парнелл, и с вами «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана». Следующие недели я посвящу поиску ответов на эти — и другие, возникающие по ходу, — вопросы. Моя цель? Пристально изучить слабые доказательства, которые погубили, возможно, невиновного, а также выяснить правду — или похоронить наконец все сомнения — о той роковой ночи в октябре 2002-го. Надеюсь, вы составите мне компанию на этом пути.

## Глава 1

После полуночи ничего хорошего не происходит. По крайней мере, именно так тетя А. когда-то отвечала на наши просьбы вернуться домой попозже. Мы фыркали, закатывали глаза и с надрывом объявляли, что она губит наши отношения с друзьями, однако со временем я убедилась в тетиной мудрости. Между полуночью и рассветом случаются только неприятности.

Поэтому при звуке телефонного звонка в три часа ночи я первым делом подумала о плохом: «Что-то произошло».

Машинально потянулась к Калебу — и рука нащупала лишь холодную простынь. Дыхание перехватило, и лишь через мгновение я вспомнила: Калек три недели назад уехал инспектировать гуманитарных работников в Демократическую Республику Конго. В полудреме я сообразила, что там сейчас восемь утра. Он, видимо, забыл про разницу во времени или неправильно ее посчитал. Правда, такие ошибки ему не свойственны.

Телефон зазвонил вновь, я схватила трубку с поспешной радостью, с нетерпеливым предвкушением — сейчас услышу знакомый новозеландский акцент Калеба, сейчас он мягко скажет:

— Джо, любимая.

В трубке была тишина. Я разочарованно вздохнула. Звонкам Калеба из-за границы часто сопутствовали невыносимое запаздывание слов, эхо и странные щелчки, но в эту поездку помехи досаждали нам постоянно.

— Алло? Калек? Связь плохая...

Слова еще не успели сорваться с губ, а я уже заметила отсутствие помех на линии. Связь была прекрасной. Настолько прекрасной, что я даже слышала дыхание на другом конце трубки. И... еще какой-то звук. Что это? Я напряженно прислушалась. Похоже... кто-то напевает с закрытым ртом? Хотя мелодия знакомая, толком не разобрать. По спине пробежали мурашки.

— Калев, — вновь позвала я. — Я кладу трубку. Если ты меня слышишь, перезвони. Я по тебе скучаю.

За секунду до того, как я нажала отбой, из трубки донесся тихий женский голос, знакомый до умопомрачения:

— Я тоже по тебе скучаю.

Я выронила телефон. Руки дрожали, сердце выскакивало из груди. «Просто помехи», — сказала я себе. Эхо моих же собственных слов. Не было никакого «тоже». В конце концов, сейчас три часа утра. Звонила не она. Прошло десять лет, она не стала бы мне звонить, тем более вот так.

«Произошло что-то плохое».

Я открыла на телефоне список входящих звонков. Не обнаружила никаких подсказок, лишь расплывчатое «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР».

«Произошло что-то плохое», — вновь подумала я и тут же строго себя одернула. Звонил Калев, просто отвратительная межконтинентальная связь, обычное дело.

Однако заснуть я смогла лишь после второй дозы сиропа от кашля.

\* \* \*

Проснулась я почти в одиннадцать, и при свете дня таинственный ночной звонок показался лишь дурным сном. Я без тени сомнений отослала коротенькое электронное письмо Калебу («Жаль, ночью не поговорили из-за плохой связи. Жду новых звонков. Целую») и зашнуровала кроссовки для бега. В дверях старинного особняка,

расположенного в районе Коббл-Хилл, остановилась поболтать о погоде с пожилой соседкой с первого этажа, затем рванула в сторону набережной, к парку Бруклин-Хайтс-Променад.

Два года назад, когда мы с Калесом переезжали из Окленда в Нью-Йорк, я предвкушала гламур повсюду, даже в повседневной жизни. Представляла, как стану рассматривать новейшие образцы искусства по дороге к поезду, привыкну выбирать негибридные помидоры бок о бок с Мэгги Джилленхол на бруклинском сельскохозяйственном рынке и буду наслаждаться великолепным видом на статую Свободы во время пробежки по Бруклинскому мосту. В действительности же стрит-арт в основном сводился к меловым квадратам для игры в классики да редким надписям краской на мусорных баках. Я ни разу не покупала негибридные помидоры на сельскохозяйственном рынке, потому что цена на них была совершенно астрономической, а знаменитость я встречала лишь одну — героиню телешоу «Настоящие домохозяйки» (которая, надо заметить, очень громко возмущалась ценой на эти самые помидоры). Пробежки по Бруклинскому мосту оказались хорошей идеей в теории, но ужасной — на практике. На мосту вечно толпились туристы с фотоаппаратами, велосипедисты и просто гуляющий народ. Мне гораздо больше понравился спокойный Променад — с широкой дорожкой вдоль берега реки, восхитительным отсутствием туристов и не менее восхитительным видом.

Домой я вернулась потная и взбодрившаяся, времени хватило лишь на то, что-



бы принять душ и соорудить бутерброд, — меня ждала вторая смена в книжном магазине. В детстве я свято верила, что каждый день буду ходить на работу в костюме и на шпильках (варианты воображаемого одеяния менялись вместе с моим настроением, но часто напоминали наряды Кристины Эпплгейт в сериале «Не говори маме, что няня умерла»). Я-подросток пришла бы в ужас, увидев себя-тридцатилетнюю на работе в джинсах и кедах, и наверняка сочла бы это провалом. Однако меня совершенно устраивала работа в книжном магазине, хоть она и не соответствовала придуманному когда-то образу. На заре нашего пребывания в Нью-Йорке я попробовала найти какую-нибудь административную должность и обратилась в агентство по временному трудоустройству, но там меня довели до белого каления, а вскоре я узнала о вакансии в книжном магазине рядом с домом. Я начала с нескольких часов в неделю, одновременно подрабатывая баристой, и постепенно увеличила нагрузку до полной рабочей недели. Я любила проводить время в книжном магазине, любила бродить среди историй и помогать покупателям в поиске книг. В минуты затишья читала биографии американских президентов и мысленно твердила: однажды я все-таки найду применение своему историческому диплому, полученному онлайн.

Сегодня я работала с Кларой, чьи роскошные эфиопские черты лица и внушительная коллекция футболок литературной тематики вызвали во мне зависть. Среди моих нью-

йоркских знакомых жизнерадостная и сердечная Клара больше всех соответствовала званию друга. Иногда мы вместе ходили на йогу или на пробежку; порой Клара приглашала меня полюбоваться на того или иного приятеля в очень-очень внебродвейском спектакле или послушать поэтические чтения. В начале лета по вторникам я, Кaleb, Клара и ее теперь уже бывшая девушка объединялись в команду для участия в викторине в баре на Корт-стрит, и эти вечера были для меня самым ярким событием недели.

Бывшая девушка вновь начала звонить Кларе, и та попросила моей помощи в расшифровке их последнего разговора. Мы расставляли на полках новую партию книг и гадали, что означает финальное «увидимся» — то ли «давай встретимся», то ли «может, когда-нибудь случайно пересечемся». Колокольчик над дверью оповестил о появлении покупателей, и мы с Кларой дружно выглянули из-за полок.

Я не верю в знаки. Не придаю значения судьбе, не переживаю при виде черного кота, перебегающего дорогу, а карты Таро раскладываю лишь смеха ради. Однако сегодня было самое время начать верить в знамения: именно сейчас, когда память еще будоражил странный голос из телефонной трубки, в магазин вошла женщина с двумя дочерьми-близнецами. Перед глазами у меня все поплыло, колени ослабли. Я впилась пальцами в ближайшую столешницу, чтобы не упасть.

— Здравствуйтесь, — сказала женщина. —  
Я ищу книги про Нэнси Дрю. У вас есть?

Я молча кивнула, не в силах оторвать взгляда от близнецов. Дело не в том, что они были похожи на нас, — совсем не похожи. Обе светленькие, с веснушчатыми щеками и большими темными глазами — полная противоположность нашим чернильно-черным волосам и голубым глазам. Вдобавок девочки явно не ладили: дули губы и временами награждали друг друга толчками и пинками за материнской спиной. Мы с Лани никогда не ссорились. Точнее, не ссорились, пока не повзрослели. Однако было в этих близняшках что-то, некий эмоциональный заряд, который едва не лишил меня чувств.

— Конечно. — Клара поспешила на помощь женщине. — Давайте я покажу.

Я извинилась и сбежала в туалет, чтобы не смотреть на девочек. Вновь открыла список входящих звонков на мобильном. «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР». Вдруг это был не Кaleb? Неужели Лани? Я не разговаривала с сестрой почти десять лет; если она позвонила, значит, и правда произошло что-то плохое.

Когда я вернулась из туалета, близнецы с матерью уже ушли.

— Да... — сочувственно протянула Клара. — У меня при виде близнецов тоже всегда мороз по коже. Наверное, остаточная травма от просмотра «Сияния» в нежном восьмилетнем возрасте.

— «Сияния»? — переспросила я, еще не отойдя от потрясения. Книгу Стивена Кинга я читала, но никаких близнецов не помнила.

— Ты серьезно? Не видела «Сияние»?!

14 Мои старшие братья крутили его без пе-

рерыва. Потом гоняли меня по дому с воплями: «Овтсйibu! Овтсйibu!» — Клара с ласковой улыбкой покачала головой. — Вот придурки.

— Я единственный ребенок в семье, — ответила я. — Ни братьев, ни сестер. Так что меня никто не заставлял смотреть страшные фильмы.

— Да, ты много потеряла. Какие планы на вечер? Если ничего грандиозного нет, то сегодня однозначно идем ко мне смотреть кино.

Я с готовностью кивнула: проводить вечер в одиночестве почему-то не хотелось, да и фильм меня бы отвлек. Именно так я думала, пока не пришел ответ Калеба: «Прости, милая, но ночью я не звонил. Интернет-связь в последние дни плохая, звонки не тянет. С работой все хорошо. Идем по графику. По идее, через недельку вернусь домой. Скоро буду знать точно. За салат готов убить. Ужасно по тебе соскучился. Люблю, целую».

Письмо напугало меня куда сильнее той жути, что творилась в отеле «Оверлук» Стивена Кинга. Раз звонил не Калеб, значит, это точно была Лани. На меня нахлынули воспоминания: Лани крутится волчком под ночным небом, в раскинутых руках — бенгальские огни; Лани захлопывает передо мной дверь спальни, в глазах ненависть, губы поджаты; Лани откидывает одеяло на моей односпальной кровати и забирается рядом, тепло дышит мне в щеку, шепчет: «Джози, ты спишь?» — и, как обычно, не дожидаясь ответа, начинает тихонько делиться секретами в темноте.

— Джозинка-Мимозинка, хочу тебе кое-что рассказать, — заявила однажды Лани,